

11. В. О. Ключевский. Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка. Второй сборник статей. 1919 г.

12. Дело патриарха Никона и его увлечение напизмом не противоречит вышесказанному. Увлечение патриарха, в данном случае, не нашло отклика в обществе, так как «русские люди молчали», по выражению С. Ф. Платонова.

13. Семен Демисов, родився около 1683 года, написал сочинение: «Виноград российский или истории о страдальцах, за древнее благочестие страдавших».

14. В. О. Ключевский. Второй сборник статей. Петроградъ 1919. Стр. 75, 246, 247.

15. Настоящие выписки, из полного собрания сочинений И. А. Аксакова, т. 4, стр. 35-127, приведены по труду В. Соловьева — «Россия и исленская церковь». II издание, Краков 1908 г.

Мысли Русского Монархиста

Над вольной мыслью Богу не угодны
Насилие и гнет:
Она, в душе рожденная свободною,
В оковах не умрет!

Гр. А. Толстой.

Искание истины является основным и, бесспорно, самым ценным мотивом русского национального устроения. Жизнь в правде и справедливости, — вот русский национальный идеал. Но жажда правды порождает тягу ко всеобщему единству; несогласие хотя бы одного наводит на сомнение: ведь правда может оказаться на его стороне. Бесспорно справедливым является лишь то, с чем согласны все, и русскому человеку, во все времена, был чужд демократический принцип большинства и подсчет голосов при решении дел. В старину, русское вече не выявляло покорности перед волей численного большинства. Демократическое по форме, вече таило в себе не свойственное демократии содержание: стремление к правде и ко всеобщему единству. Вече приходило к единому решению не голосованием, но громогласно, а то и путем побоища, и поскольку стремилось к правде, в торжестве силы было склонно усматривать проявление суда Божьего. Своим неумением решать дела по хорошему, — без насилия, вече лишь подтверждало непригодность демократии к осуществлению справедливости единства. Стремление к единству ради установления справедливости жило в России всегда и дошло до самых последних дней: сельский сход все еще не признает за большинством права навязывать свою волю всем. Техника решения дел стала мягче, — вечевое побоище уступило место водке, но сущность осталась та же: стремление к справедливости путем установления всеобщего согласия, а не путем предпачтения большинства меньшинству.

В среде, настроенной вполне по демократически, не могла бы появиться и поговорка: «семеро одного не ждут». В такой поговорке не было бы ни нужды, ни смысла. Дело в том, что чрезмерно ревностное стремление к единству обременительно и, когда распространяется на мелочи обыденной жизни, тормозит дело. И народная мудрость приходит на выручку, санкционируя поговоркой отступление от общего правила. И всетаки, какая дань этому общему правилу! Ведь семеро не ждут одного, а не шестерых. Познание правды через всеобщее единство находит свое наиболее яркое выражение в православной церкви. Согласно православному пониманию, Бог пребывает с совокупностью верующих, и их соборные решения выражают Его волю. Соборность, это — жизнь людей в состоянии духовного единства. Соборность, это — осуществление единства в пределах духовного организма, каковыми являются, например, церковь, нация. Единство осуществляется в целях отыскания правды и служения ей. Единство осуществимо только лишь во имя правды, — его требует нравственное чувство людей, а не их эгоизм. Единство духовного организма, это — единство мертвых, живых и еще не родившихся, другими словами, единство живых, согласованное с заветами прошлого и с заботой о будущем. Соборность требует единства всюду, — и по каждому отдельному вопросу, и среди всех тех, кого этот вопрос так или иначе затрагивает. Единство должно осуществляться непрерывно, ибо живой организм, а тем более организм здоровый, развивается всегда, и в процессе своего развития встречается с новыми вопросами и с новыми задачами, которые могут вызвать разногласия, борьбу чувств и мнений. И эти разногласия, эта борьба чувств и мнений, приводят к отысканию правды, позволяют восстанавливать непрерывно нарушающееся единство. Единство не возникает само по себе, — его надо создавать, и здоровый организм обладает способностью выполнять это дело. Неумение осуществлять единство, — первый признак болезни организма. Единство осуществимо только лишь путем добровольного согласия всех. Единство не знает принуждения, — вынужденное согласие не устанавливает единства. Добровольное согласие может быть основано на уступчивости, на желании добиться единства или же не нарушать его путем отказа от защиты собственных убеждений. Но такое согласие противоречит основному смыслу соборности, в силу которого единство необходимо для отыскания правды и служения ей, и вот, поэтому, согласие должно быть даваемо только лишь ради правды, а не ради единства, другими словами, только лишь тогда, когда соглашающийся убежден в истинности того, с чем он соглашается. Соборность ищет единства подлинного, — единства убеждений, а не единства фиктивного, основанного на компромисе. Конечно, все это касается вопросов важных, имеющих высокое принципиальное значение, — значенье установления правды в ее возвышенном смысле. Но нельзя забывать и того, что не все явления в совместной жизни людей одинаково ценны, и что многие из них менее ценны, чем единство, само по себе. Ими можно и даже надо жертвовать ради единства каждый раз, когда они способны привести к разногласиям, пагубным для единства. Однако, всюду, где подлинное единство возможно, оно должно быть

установлено. Компромисс, в основе которого лежит то, что иногда называют солидарностью, не является основным приемом установления единства, и в достаточной мере чужд понятию соборности.

Соборность требует, чтобы все участники собора были бы удовлетворены, чтобы каждый отдельный участник собора был бы убежден в правильности соборного решения. Это может быть достигнуто только лишь всеобщим, свободным и устремленным на отыскание правды обсуждением всех вопросов, угрожающих единству. Практически, в обсуждении могут участвовать одни лишь живые, но их согласие с заветами прошлого равносильно участию мертвых, а их забота о будущем — участию еще не родившихся. Соборное решение должно быть настолько обоснованным, чтобы убедить в своей правильности любого из участников собора, поскольку он не может принять этого решения просто на веру, поскольку доверие к людям не является единственным источником его убеждений. И тогда соборное решение будет принято каждым, либо в порядке самостоятельного уразумения всей сущности дела, либо, частично или же целиком, на веру, и именно потому, что это решение принято теми, кто заслуживает доверия. Главное значение в работе собора, естественно, должно принадлежать наиболее выдающимся его участникам. Собственно, это они и должны составлять наиболее действенную и плодотворную часть собора, — совокупность людей, действительно собравшихся вместе для совместного обсуждения вопросов, способных нарушить единство (это и будет собор в обыденном смысле этого слова).

Может даже случиться, что один какой либо человек настолько подчинит других своему влиянию, что его мысли будут всецело восприняты собором. Появление такого человека не нарушит всеобщего единства, если только соборные решения не утратят, в силу этого, связи с прошлым и заботы о будущем. В руках такого человека может оказаться власть. Однако, если он верен идеалу соборной жизни, он не должен силой принуждать других к согласию со своим мнением. Он должен подвергать свои мысли всеобщему и свободному обсуждению с целью выяснения правды и осуществления единства, и должен всегда быть готовым к тому, что его собственные утверждения окажутся ложными и будут отвергнуты собором. Он не должен бояться этого, если действительно ищет правды и всеобщего единства. Ведь всякая власть является всего лишь средством по отношению к основным задачам частной и общественной жизни людей. Главное назначение всякой власти состоит в непрестанном созидании условий жизни, наиболее соответствующих этим задачам. И поскольку эти задачи выражают нравственные искания человека, главное назначение всякой власти состоит в организации соборного выявления правды и наилучших способов ее достижения, в осуществлении соборных решений и в постоянном наблюдении за тем, чтобы жизнь не сбивалась с намеченного пути. Другими словами, основная задача всякой власти, это — осуществление единства среди людей, ей подвластных, и по всем вопросам, подлежащим ее ведению. Если власть не понимает этого или же оказывается не в состоянии выполнять это дело, то она не годит. Обращение к подвластным с призывами

к подчинению и хула инакомыслящих — первые признаки бездарной власти. Люди могут добровольно следовать указаниям власти лишь в том случае, когда они уверены, что власть способна выполнять и действительно выполняет это свое назначение. Такая уверенность может быть основана только лишь на опыте совместной жизни власти и подвластных. Но жизнь учит, что каждый вид власти имеет свои неизменные достоинства и что, именно, в отношении этих его достоинств, к нему можно относиться с полным доверием.

Так люди знают сами, и знают лучше кого бы то ни было, каковы их повседневные естественные и, значит, справедливые нужды. Вот почему их мнение так важно при решении вопросов, связанных с управлением их же собственным общежитием. Это обстоятельство составляет основу и ценное достоинство демократической власти. Но демократия не обладает даром приводить людей к единству. Осуществление единства возможно лишь при стремлении людей к правде, что предполагает их беспристрастие, а подлинное беспристрастие возможно лишь тогда, когда отсутствует их личная заинтересованность в обсуждаемых ими делах, а этого почти никогда не бывает, особенно в политике. Политика теснейшим образом связана с частными интересами и отдельных людей, и всевозможных общественных образований, и именно в политике, более всего, люди склонны утрачивать беспристрастие, справедливость, забывать заветы прошлого, заботу о будущем, упускать из виду интересы целого ради своих частных выгод. И сущность всех демократических собраний обычно состоит не столько в беспристрастных поисках правды, сколько в борьбе различных и противоречивых интересов, в защите каждым своей личной выгоды за счет выгоды других и пользы целого. Вот почему всеобщее единство почти не осуществимо в условиях народовластия, уж не говоря о таких противособорных приемах, как подсчет голосов и принятие воли большинства за волю всех. Демократия, в общем случае, не ищет правды и не добивается всеобщего единства, не считается с заветами прошлого и не проявляет заботы о будущем. И это не потому, что в условиях демократии люди утрачивают идеал соборной жизни, чего может и не быть (вече), но потому, что демократия не в силах, не способна служить такому идеалу. Осуществить всеобщее единство в условиях демократии невозможно. Такая попытка была бы обречена на неудачу. Демократия неминуемо выявила бы свое подлинное лицо: «многотажное человеческое хотение».

Демократия основана на влечении людей к самостоятельности, на их вере в свои силы, — на вере в то, что они сами, все вместе, способны управлять своим общежитием и созидать свое благополучие. Демократы уверены в реальности народного суверенитета. Они не допускают и мысли о том, что власть народа — обман. Они стараются не замечать тех властных отношений, какие возникают в человеческом общежитии сами, независимо от официально установленного порядка, и действуют не считаясь с ним, а подчас и наперекор ему. Правда, демократы иногда соглашались с тем обстоятельством, что ведущее значение в жизни общества принадлежит всегда некоторому отбору наиболее выдающихся его чле-

нов, но при этом они указывают, что демократия не противоречит естественному положению вещей, и что представители народа, именно, и являются таким отбором. Мы знаем, что это не совсем так, ибо демократическое представительство служит лишь полем действия для тех сил, которые, скрываясь от обывателя за покрывалами демократии, оказываются действительными хозяевами положения и вершителями судеб народных. Но не в этом дело. Признавая естественным и неизбежным существование в совместной жизни людей некоторого ведущего и даже правящего отбора, демократы, тем не менее, не желают делать из этого обстоятельства каких либо выводов. А между тем, такое признание обычно составляет основу, и, надо сказать, вполне справедливую, для власти качества над количеством, — для власти аристократической. И действительно, современная демократия, вернее, всякая демократия, по сути дела, весьма похожа на аристократию, не родовую, конечно, но, скажем для краткости, денежную, при этом орудующую тайно, под прикрытием демократической личности. Если аристократическая власть и опирается на признанные непреодолимости и, главное, благотворности того неравенства, какое обыкновенно господствует в человеческом общежитии, то само собою понятно, что это признание должно иметь в виду некоторый вполне определенный отбор людей, другими словами, такой отбор, который выделен из общей массы обывателей какими либо способами, вполне оправданными опытом жизни. Именно от этих способов главным образом и зависит доброкачественность такого отбора. Поэтому можно сказать, что аристократическая власть опирается не столько на общие соображения о ведущем значении «лучших», сколько на укоренившиеся и общепризнанные приемы их выделения. Творческая одаренность правящего отбора составляет основное достоинство аристократической власти. Но аристократия, как и демократия, мало способствует установлению всеобщего единства: ведь аристократия является общественным слоем, обладающим своими частными интересами, способными противостоять интересам других общественных образований, а то и интересам всего общежития в целом.

Жизнь учит, что извечные идеалы людей, будь то идеалы семьи, племени, народа или же нации, находят свое наиболее яркое выражение при единоначалии, и именно в том случае, когда возглавление принадлежит человеку, указанному истари укоренившимся обычаем, — как бы самой природой на это уготованному. И такой человек, не в меру личных своих достоинств, а именно в силу высокого своего назначения, более других способен к уразумению общих идеалов и к бескорыстному служению им. Так, забота о детях их родителей, в общем случае, более осмысленна и действительна, чем забота людей чужих, хотя бы и очень хороших. Дети могут и не считать своих родителей людьми, самыми лучшими, — это было бы наивно. Но дети чувствуют, и в общем случае они правы, что их родители, именно по отношению к ним, своим детям, лучше других людей. Подобного рода соображения применимы ко всякому виду исторически сложившегося единоначалия. На признании целесообразности такого единоначалия, собственно, и основана монархическая власть.

По своему смыслу и по характеру своего возникновения монархическая власть возможна только лишь в условиях органического общежития людей, другими словами, такого общежития, которое в итоге длительного существования обрело единство и, именно, в той области своей жизни, где пришло к единоначалию и выработало себе возглавителя. И поскольку монархическая власть опирается на всеобщее единство, постольку ее целесообразность усугубляется тем бесспорным обстоятельством, что всюду, где цели и способы их достижения ясны, единоначалие всегда наиболее действенно и плодотворно. Уж хотя бы в силу такого, чисто практического, соображения идеал соборной жизни требует монархии. Но если власть монарха, завершая единство нации, является, прежде всего, выражением и оплотом ее идеалов, то ясно, что в своих действиях монарх не свободен, но подчинен им, этим идеалам. Это обстоятельство, отличающее его власть от власти абсолютной, не знающей каких либо преград и властвующей исключительно по собственному уразумению и хотению, составляет существеннейшую особенность русского понимания монархии, той монархии, которая истари именовалась у нас самодержавною. При таком положении вещей, монарх оказывается как бы исполнителем, но не воли своих современников, а соборной воли всей нации в целом. Поэтому его власть не может быть названа исполнительной в обычном смысле этого слова. Однако, чтобы монарх мог с успехом нести бремя своей власти, необходима теснейшая его связь со всей нацией в целом, — с ее прошлым, настоящим и будущим. Ведь сущность монархической власти, собственно, и состоит в полном единстве нации со своим возглавителем. Этого единства требуют и русские национальные идеалы, которым монарх служит. Так, согласно русскому пониманию монархии, царь должен быть православным. Православное понимание церковности требует участия всех верующих в выявлении воли Божией. Православная церковь, это — соборная церковь. И всеобщее понимание воли Божией создает особо благоприятные условия для самодержавной монархии. Истинное самодержавие, в его чисто русском смысле, противоположном деспотическому абсолютизму западных монархий, возможно только лишь при православии. Согласно русскому же пониманию монархии, царем может быть лишь тот, кто на это предопределен вековым порядком, — кто на это указан судьбою, но не людьми. Царь, как и отец, должен быть «природным». Вековая совместная жизнь нации и возглавляющей ее династии способствует их духовному единению и делает то, что идеалы нации, в созидании и в развитии которых участие династии не только бесспорно, но и огромно, получают свое наиболее яркое выражение, именно, в династии, — становятся ее родовым достоянием. И именно через династию монарх оказывается связанным со всем прошлым своей нации. Время роднит нацию со своей династией, — время наполняет их совместную жизнь взаимным пониманием и доверием, взаимной любовью и чувством ответственности друг за друга. Время уничтожает зависимость монарха от людей, от их воли и, тем самым, ставит его в условия, наиболее благоприятствующие его беспристрастности, а поэтому и справедливости. Но еще в большей мере, чем независимостью от во-

ли своих подданных, монарху необходима постоянная и живая связь с ними. Ведь общенне, это — источник всякого единства. Где нет общения, там нет и единства, а где нет единства, там нет и монархии. Общенне монарха со своими подданными духовно объединяет их, и в каждый отдельный момент не только оберегает то, что ранее создано, — их духовное единство, — но и продолжает созидать это единство, — питает его, расширяя на все то новое, что выдвигает вечно меняющаяся жизнь. И если идеалы монарха, в силу каких либо его личных качеств, выявят склонность к расхождению с идеалами нации, то его принадлежность к православной церкви, к исторической династии и, что главное, его живая связь со своими подданными окажут такому расхождению могучее сопротивление. Если же всетаки, несмотря ни на что, монарх утратит верность идеалам своей нации, то это будет для нее тяжким бедствием. Ощущение и сознание этого бедствия неминуемо получают распространение среди подданных, ибо каждый из них, в той или иной мере, является обладателем национальных идеалов... Но русская история почти не знает таких моментов. Поскольку же монарх соединяет в себе понимание национальных идеалов и верность им с беспристрастием и справедливостью, постольку добровольное подчинение ему со стороны его современников и естественно и благотворно, ибо это дает возможность осуществлять то, что более всего необходимо нации, — ее духовное единство. Но монарх не должен в насильии видеть путь к установлению единства. Он должен предоставлять каждому свободное участие в поисках правды и лишь в случае неустрашимых разногласий указывать на то мнение, которое считает, кому бы оно ни принадлежало, наиболее верным. И всеобщее согласие с указанием монарха будет воздвигнуто на всеобщем же стремлении к правде и единству, — либо на сознании справедливости монаршего суда, либо на смирении перед мыслью о том, что единство необходимо, что только лишь таким согласием и можно его спасти, что другого пути к единству нет, да и быть не может. В силу же того, что общие и, так сказать, надвременные интересы нации выше местных и временных интересов ее различных частей, голос монарха должен иметь решающее значение в политической жизни нации, другими словами, верховная власть должна принадлежать монарху. Если принять во внимание, что монарх защищает перед своими современниками интересы всей нации в целом, — интересы ее прошлого, настоящего и будущего, и если распространить идею формальной демократии на совокупность всех членов нации, — мертвых, живых и еще не родившихся, — то станет ясно, что за монархом стоит большинство и что он, один, должен иметь перевес над всеми своими современниками, взятыми вместе. Однако, такое соображение, будучи основанным на признании превосходства большинства над меньшинством, а не правды над заблуждением, не соответствует духу соборной жизни и не представляется заслуживающим внимания. Всеобщие и свободные поиски правды, происходящие при участии монарха, выступающего в борьбе различных чувств и мнений в качестве верховного судьи, — вот единственный путь к духовному единству нации. При этом, функции монарха состоят главным образом в том, что теперь

любят называть арбитражем. Монарх, это — верховный арбитр. Но арбитраж еще не исчерпывает того значения, какое имеет монарх в соборной жизни нации. Его участие в обсуждении вопросов, угрожающих всеобщему единству, облагораживает деятельность собора, — сообщает ей дух исканий правды и справедливости, другими словами, сообщает ей то моральное направление, которое только лишь и способно привести людей к единству. Арбитраж, это — дело верховной власти. Верховная же власть может быть подчинена лишь тем идеалам, которым призвана служить. В этом смысле самодержавный монарх не ограничен волею своих подданных. Но он связан долгом вести их по пути духовного единства, — выслушивать их мнения и решать по совести: где правда. И мы знаем, что отказ верховной власти от этой своей обязанности имел роковое значение в истории русского самодержавия. Таким образом, самодержавная монархия не только опирается на духовное единство нации, но и творит его. Рост национального единства и образование и творческая жизнь самодержавной монархии являются процессами неразделимыми, — друг от друга зависящими и друг друга обуславливающими. Русская история служит тому богатейшим примером.

Духовное единство людей влечет за собой также и единство их действий, или же то, что можно назвать их сотрудничеством. Правда, сотрудничество людей осуществляется при любом порядке их совместной жизни и составляет основную особенность их общежития, но осуществляется потому, что человеческое общежитие обладает всегда некоторым единством, хотя бы в понимании простейших вопросов морали и простейших задач своего существования. И сотрудничество людей бывает тем осмысленнее и плодотворнее, чем глубже и полнее выявляют они свое духовное единство.

Основным условием всякого сотрудничества является участие в нем всех творческих сил общежития, всех без исключения. Именно поэтому соучастие в управлении государством тех видов власти, о которых упоминалось выше (власть всех, власть некоторого меньшинства и власть одного), представляется весьма необходимым. Все эти виды власти органически свойственны человеческому общежитию; они живут в нем всегда, то выступая более отчетливо, облекаясь в формы официальных установлений, то утрачивая явность своих очертаний, но продолжая действовать, хотя бы и в скрытом виде. Все они способны приносить пользу в соборной жизни нации; поэтому они все должны сотрудничать в управлении государством, конечно, выполняя лишь те функции, какие им свойственны, а главное, сотрудничать явно и по возможности в качестве официальных органов власти. Их функции не находятся во взаимном противоречии друг к другу; наоборот, они выявляют в своей совокупности совершенную полноту управительного творчества. Так, если участие народа в управлении страной состоит в постоянном изъяснении им своих настроений и нужд, то участие отбора «лучших» — в созидании того, что необходимо для удовлетворения вечно нарастающих запросов нации, для непрестанного совершенствования условий ее существования. И если народ обеспечивает своим участием знакомство верховной власти со всеми обстоятельствами своего повседневного существования, — с совре-

менной монарху жизнью нации, то отбор помогает верховной власти находить всегда наиболее удачные ответы на выдвигаемые жизнью вопросы. — помогает ей наиболее целесообразно осуществлять управление. Монарх, правящий страной в соучастии со своими подданными, наиболее ярко выражает соборное начало в совместной жизни людей, принимаемое русской нацией за высший источник правды. Ибо сотрудничество монарха со своими подданными равносильно объединенному действию всей нации в целом. Монархию, основанную на таких началах, можно было бы назвать монархией соборной. В основе соборной монархии лежит добрая воля людей, — их любовь к правде и, в связи с этим, их стремление ко всеобщему единству в ее истолковании, их свободные поиски правды и их свободное согласие со всеобщим единым мнением. Таким образом, соборная монархия зиждется на утверждении свободы человека. Больше того, вне свободы своих подданных соборная монархия существовать и не может. Нет ничего более чуждого идеалу соборной жизни, чем деспотический абсолютизм верховной власти. Практически, при соборной монархии жизнь нации подчинена закону, но этот закон устанавливается соборно. И в этом смысле, — в формальном отношении, — соборная монархия является режимом права (заметим, что соборная монархия создает наиболее благоприятные условия для отделения исполнительной власти от власти законодательной). И установленный соборно порядок совместной жизни людей не может оказаться средством удушения личности ради всего общежития в целом, ибо в этом порядке проявляется всеобщее единое понимание справедливости, другими словами, ибо этот порядок представляется всем, как лучший и, поэтому, как должный.

Но возможно ли все это и не является ли всеобщее духовное единство наивной фантазией? Нет, в вопросах морали и справедливости единство людей возможно. История России, история других народов наглядно подтверждает наше убеждение в этом. Принимая духовное единство за высшее состояние человеческого общежития, мы не забываем того, что идеал в нашей жизни не достигим, что он сообщает лишь направление творческим усилиям человека, — указывает ему цель. Но мы знаем также и то, что действительность, самая неприглядная, оживает, становится осмысленнее и лучше, когда проникается любовью к правде, — когда обретает идеал. И мы верим, что русские люди, по природе своей, по складу своей души, любят правду, ищут ее и ценят ее превыше всего на свете. И опять, русское прошлое, да и русское настоящее, только укрепляют в нас эту веру. Любовь же к правде, ведет людей на путь исканий всеобщего единства. И если соборная монархия возможна лишь в условиях духовного единства нации, то нельзя забывать и того, что соборная монархия не только завершает, но и создает это единство, и что вне соборной монархии Русская нация не может обрести своей духовной целостности.

В. Попадонуло.